

— А? Ох, — Юнь Чу только сейчас вспомнила, как вчера обманула Вэй Цзиньшу. — На самом деле ничего особенного. Просто ко мне обратился один человек, который надеялся, что я проникну во дворец и помогу тебе завоевать расположение императора, чтобы ты стала любимой наложницей.

Сказав это, Юнь Чу отвернулась, чтобы Вэй Цзиньшу не заметила, как бегают её глаза.

— Это был мужчина в черных одеждах?

Юнь Чу застыла:

— А?

В отличие от ошеломленной Юнь Чу, Вэй Цзиньшу ответила с таким спокойствием, будто давно этого ждала:

— Мне однажды приснился человек в черном. Он сказал, что я рождена с судьбой феникса и мне суждено стать императрицей.

Раз уж разговор зашел так далеко, Юнь Чу оставалось только поддакивать:

— Да, верно, именно он!

— Он еще что-нибудь говорил?

— Нет, ничего, всё то же самое, что ты сейчас пересказала.

Юнь Чу знала: в делах, у которых есть хоть какая-то ниточка, лишние слова ведут к ошибкам. Лучше прикинуться незнающей и позволить ей самой строить догадки.

— Поэтому ты должна научиться бороться за любовь и завоевать сердце императора, — Юнь Чу обняла её за плечи и усадила на табурет. — Пока я прикрываю тебя, делай всё, что считаешь нужным!

Кто бы мог подумать, что Вэй Цзиньшу медленно покачает головой и, подняв взгляд на сияющую Юнь Чу, ответит:

— Но я не хочу добиваться его благосклонности и не хочу быть императрицей.

— Что?

— Иначе я бы не притворялась больной целый год.

— Ты... притворялась? — Юнь Чу в неверии присела на корточки рядом с Вэй Цзиньшу, её мысли окончательно спутались. — Разве не наложницы изолировали тебя и не давали увидеться с императором?

— Нет, это я намеренно избегала их, как и самого императора.

— Неужели ты любишь кого-то другого? — предположила Юнь Чу, вспомнив её недавние слова.
— Того самого мужчину из сна?

Вэй Цзиньшу снова покачала головой. Её нежно-розовые губы то открывались, то закрывались, словно она не знала, как начать.

— Тогда это мужчина, с которым ты познакомилась вне дворца?

Вэй Цзиньшу помедлила, её сжатые пальцы слегка дрожали, но она всё же решилась сказать обиняком:

— Мне кажется... я не люблю общаться с мужчинами.

— Ох, вы, девчонки, еще молоды и ничего не понимаете, нравится или нет — это не важно... — Юнь Чу выдохнула с облегчением, но тут же осознала смысл сказанного и невольно отступила на пару шагов. — Ты что, любишь женщин?

Не дождавшись ответа, Юнь Чу вскочила на ноги. Сердце бешено колотилось, отдаваясь онемением во всем теле. Она воскликнула:

— Даже в книгах о таком не пишут!

Вэй Цзиньшу опустила голову, теребя платок в руках, её взгляд был затуманен.

— На самом деле, еще вчера ночью я почувствовала, что рядом кто-то есть, но побоялась, что тебе будет неловко, поэтому сделала вид, что не знаю.

— Стоп! Хватит! Я спрашиваю, — Юнь Чу подняла руку, прерывая её, и обхватила ладонями её маленькое, белое лицо, заставляя смотреть себе в глаза. — С каких пор ты начала испытывать симпатию к женщинам?

Неужели повреждение Книги Судеб может изменить предпочтения смертной в любви? Если это произошло по её неосторожности, то мало того, что она испортила жизнь Вэй Цзиньшу, так еще и финал этой судьбы будет невозможно исправить. А значит, она сама никогда не вернется в сонм небожителей.

— С тех пор как начала что-то понимать, я всегда тянулась к женщинам. Я даже думала о том,

чтобы... — Вэй Цзиньшу вспыхнула, её голос стал совсем тихим, — найти себе спутницу и прожить жизнь в уединении.

Всё пропало. Теперь точно всё. О каком завоевании императора может идти речь? Судя по её состоянию, она вообще не хочет подпускать к себе мужчин.

Юнь Чу почувствовала неладное и, наклонившись ближе, серьезно произнесла:

— Думаю, ты недостаточно хорошо себя знаешь. Ты еще мала и не понимаешь, чего хочешь.

Вэй Цзиньшу лишь скептически покачала головой:

— Никто не знает мое сердце лучше меня самой. — Помолчав, она добавила: — Я не верю в перерождения. Жизнь коротка, всего несколько десятилетий, я лишь хочу следовать зову своего сердца и прожить этот век достойно.

Юнь Чу не оставляла попыток:

— По-моему, Сяо Чэнъинь неплох. И учен, и в военном деле силен, внешнеостью не обделен, да и о наложницах заботится. Может, всё-таки...

— Он мне не нравится. По сравнению с ним, — Вэй Цзиньшу повернула голову, и её ясные глаза встретились с взглядом Юнь Чу, — ты мне гораздо ближе.

— ...Нет... ты... я... — у Юнь Чу разболелась голова. Она никак не ожидала, что попадет в такую историю. — Я не могу... то есть, мы не подходим друг другу.

— А я считаю, что симпатия не так уж важна. Главное, чтобы ты была рядом.

Прожив более пятисот лет на пустынных и бездушных небесах, Юнь Чу от такой неожиданности почувствовала, как к лицу прилила кровь. Хотя её «корень чувств» был не так чист, как у других небожителей, она всё же не испытывала влечения к женщинам. Тем более к той, которую ей самой придется отправить на погибель.

Как раз когда Юнь Чу не знала, что ответить, за дверью послышались шаги — вернулась Юэ И, ходившая за угощениями.

Юнь Чу с облегчением выдохнула:

— Я стану невидимой. Обо всём поговорим вечером, когда ляжем спать.

Вэй Цзиньшу кивнула и отвела взгляд. Но стоило Юнь Чу договорить, как она поняла, что сморозила глупость — фраза прозвучала двусмысленно. Впрочем, неважно. Она не может любить женщину, а тем более Вэй Цзиньшу.

Дни во дворце тянутся долго. В те дни, когда император не посещает наложниц, они сами ищут себе развлечения. Кто-то любит гулять по саду, кто-то слушать оперу, а кто-то вышивать. Вэй Цзиньшу же, оправдывая свое имя, больше всего любила книги.

Когда она в очередной раз взялась за зачитанную до дыр книгу Битва при Пинфане, Юнь Чу не выдержала. Она зевнула, подошла к Вэй Цзиньшу и начала таскать сладости прямо у неё из-под носа.

Вэй Цзиньшу, погруженная в чтение, боковым зрением заметила, что с тарелки исчез кусочек пирожного, а следом и второй. Она невольно улыбнулась.

— Юэ И, принеси еще персиковых сладостей и чашу с ягодами мушмулы.

— Слушаюсь.

Юнь Чу, впечатленная вкусом десерта, услышав о новом угощении, просияла и повеселела. Юэ И на этот раз вернулась быстро, принесла целое блюдо сладостей и чашу с ледяной крошкой и ягодами в сливках.

Когда всё было расставлено, Вэй Цзиньшу приказала служанкам:

— Юэ И, я хочу почитать, вы пока можете идти.

Когда все вышли, Юнь Чу сняла заклятие невидимости и села на соседний табурет.

— Императрица добра к слугам. Хотя жалованье у нас небольшое, еды всегда вдоволь, — Вэй Цзиньшу пододвинула пирожные и ледяное лакомство к Юнь Чу. — Попробуй.

Юнь Чу не стала церемониться и принялась за еду.

— У вас в мире людей всё такое вкусное?

— В нашем мире? — удивилась Вэй Цзиньшу.

— Ой, я так давно не спускалась с гор, что привычки в речи остались старыми. Не обращай внимания.

Вэй Цзиньшу понимающе кивнула:

— Главное, что тебе нравится.

Наевшись досыта, Юнь Чу повеселела и сама начала разговор.

— У нас вся еда на вкус как курительные палочки в храме — ни вкуса, ни аромата. Всё-таки у вас лучше.

— Я слышала, путь самосовершенствования труден. Почему бы не побаловать себя чем-то вкусным, чтобы найти утешение?

Юнь Чу, не отрываясь от еды, ответила:

— Кто их знает, почему они так живут. У них всё только для вида, как и их поступки — лишь поверхностная суета.

Видя, что Юнь Чу ест слишком быстро, Вэй Цзиньшу, опасаясь, что та подавится, налила ей чаю.

— Что ты хочешь съесть завтра?

— Мне всё равно, у вас тут всё очень вкусно.

Вэй Цзиньшу улыбнулась:

— Хорошо.

После этого они замолчали: одна продолжала с аппетитом есть, другая — увлеченно читать. Юнь Чу, заметив, что та снова открыла Битву при Пинфане, недоуменно спросила:

— Ты же уже много раз её читала, зачем снова?

— У этой книги есть свои особенности, — Вэй Цзиньшу, не поднимая головы, перелистнула страницу, — она не похожа на другие.

Юнь Чу не согласилась:

— Что особенного может быть в книге?

— Битва при Пинфане — это история, придуманная народными сказителями. Двое героев — Су Хэн и Му Гуанлин — проходят путь от непримиримых врагов до близких сердец. Их история заслуживает того, чтобы перечитывать её снова и снова, ею невозможно не восхищаться.

— Большинство историй о любви в этом мире такие, что же в ней особенного... — закончив фразу, Юнь Чу снова осознала неладное. Она вспомнила имена, которые мельком видела утром. — Что? Что ты сказала? История о двух мужчинах?